

СОЛЁНЫЙ САД

Пена на стекле

АЛЁНА СЕВЕРИНА



Алёна Северина

Пена на стекле

<https://litres.ru/74692969>

SelfPub; 2026

Аннотация

На северном берегу Белого моря ботаник Нина Шевчук пытается сохранить семейную оранжерею, построенную на сваях среди приливных болот. Утром на стекле появляется необычная морская пена, а редкое растение начинает цвести вопреки привычным законам сада. Строительство нового причала меняет воду и почву, от которых зависит жизнь теплицы. Чтобы защитить берег, Нине придётся договориться с соседями, переосмыслить семейные традиции и решить, может ли сад оставаться только её собственностью.

Алёна Северина

Пена на стекле

Глава 1. Туман в оранжерее

К утру вода в канаве поднялась до нижних ступеней, и сваи теплицы снова закрипели, будто под настилом ворочалось большое сонное животное. Нина Шевчук знала этот звук с детства. Он означал, что прилив пришёл раньше ветра, а значит, к полудню солёная сырость заберётся под стекло.

Она сняла сапоги у входа, ступила на деревянный пол и сразу увидела на дальнем пролёте серебристую пену.

Пена лежала на стекле изнутри. Не стекала, не таяла, а держалась отдельными круглыми гребнями, словно туман попытался разбиться о стену и застыл. В её середине проступал тонкий стебель. Нина подняла руку, но не коснулась: на ладони ещё оставалась земля с утреннего осмотра грядок, а к этому стеклу нельзя было прикасаться грязными пальцами. Так говорила бабушка. Не объясняла почему, только каждый раз мыла руки в миске с дождевой водой и ждала, пока кожа перестанет пахнуть торфом.

Нина поставила миску на полку. Серебристая пена дрогнула.

Под ней распускался цветок.

Сначала показалось, что это отражение белого моря, хотя отсюда его не было видно: теплицу окружали камыши и низ-

кие стены из старых досок. Потом лепестки шевельнулись, будто слышали прилив. Они были прозрачны у краёв и густо-сини в середине, с солью, выступившей на жилках крошечными искрами. Цветок не касался стеблем земли. Он рос из трещины между рамой и подоконником, где не помещалось даже зерно укропа.

Нина прижалась щекой к холодному стеклу. В детстве бабушка показывала ей засохший рисунок такого цветка на деревянной дощечке. «Он открывается, когда море дышит сюда», — сказала тогда. Нина решила, что это старое семейное присловье, вроде рассказа о том, как теплицы научились держаться на сваях. Позже она нашла в хозяйственных записях одно короткое упоминание: последний раз цветение было сто лет назад. Запись ничего не обещала. Она только отмечала дату, высоту прилива и то, что воду из грядок в тот день не сливали.

Нина посмотрела на трубы обычного полива. Их прокладывали заново после каждого большого ремонта, и они питали всю товарную зелень: салат, укроп, молодую капусту. До отправки на пристань оставалось два дня. Если закрыть подачу, нижние грядки успеют подвднуть, а верхние, возможно, ещё продержатся. Возможно — не было мерой, которой семьи могли доверять.

Она открыла вентиль.

Вода ударила по трубам, привычно загудела, и цветок сложил один лепесток.

Нина резко повернула вентиль обратно. Гул стих. На соседней грядке листья салата шевельнулись от остаточного давления, и с них скатились прозрачные капли.

— Ты чего остановила? — спросил из прохода Матвей Седых.

Он был старшим на этой стороне теплиц и говорил негромко, но так, что его слышали даже за стеной. Следом за ним вошли две женщины с корзинами для зелени. Мокрые края их юбок темнели от воды, принесённой с настила. Матвей глянул на сухую трубу, потом на пустую грядку под северным стеклом.

— Полив перекрыла, — сказала Нина.

— Это я и вижу. Зачем?

Она показала на цветок. Матвей сперва не заметил его. Встал на носки, прикрыл ладонью глаза от влажного блеска, потом отступил на шаг.

Женщины не подошли. Одна поставила корзину на пол. Вторая продолжала держать свою, будто боялась, что без неё окажется нечем занять руки.

— Из-за этого? — спросил Матвей.

— Ему нужна соль в тумане. Не пресная вода. Если включить полив, стекло прогреется, туман уйдёт, цветок закроется.

— А зелень? — сказала женщина с корзиной. — Ей нужна вода.

— Знаю.

— Через два дня её заберут. Мы уже часть нижней зелени срезали, на верхние грядки рассчитывали.

Нина знала и это. Знала, сколько семей ждали оплату за зелень, сколько досок требовали сгнившие сваи и как быстро портовая пристань стала принимать больше грузов, чем прежняя. В последних сезонах солеустойчивые растения слабели первыми: серая трава у канав, крошечный морской щавель на кочках, кусты, что прежде удерживали берег. Люди говорили, что вода стала другой после стройки порта. Но говорить было легче, чем терять заработок.

— Дайте мне до полудня, — сказала Нина. — Я проверю, сколько тумана держится в этой секции.

— До полудня грядки уже будут сухие, — ответил Матвей.

— Тогда я отвечу за потерю.

Он нахмурился.

— Ты отвечаешь не только за себя.

Слова легли между ними тяжело, как мокрая сетка. Женщины переглянулись. Та, что поставила корзину, подняла её и направилась к дверям.

— Если полив не вернётся к обеду, нижнюю зелень срежем сейчас. Не станем ждать, пока она завянет.

— Срежете — и заказ не выполнить, — сказала Нина.

— А ждать и смотреть, как она пропадает, лучше?

Матвей не остановил её. Он тоже посмотрел на цветок, но уже не как на чудо. Скорее как на неожиданную поломку, за которую кто-то должен будет расплатиться.

— Обеденный прилив принесёт новый туман, — сказала Нина. — Если он не поднимется, я включу воду.

— А если поднимется?

Нина не знала.

Матвей снял с пояса ключ от общего водяного колеса и положил на полку возле неё. Не вручил, не бросил — оставил так, чтобы ей пришлось самой решить, брать его или нет.

— Полдень, — произнёс он. — Потом мы поливаем.

Рабочие вышли. Корзины задели дверной косяк, и одна скрипнула по дереву. В теплице остался запах листьев, влажной доски и моря, пробравшегося через щели. Нина взяла ключ. Металл был тёплым от Матвеевой ладони.

На стекле пена медленно расправилась. Цветок поднял сложенный лепесток, и в его прозрачной чашечке блеснула капля. Она не падала. С каждым вдохом сырого воздуха капля становилась чуть крупнее, а на соседней грядке первые листья уже начали опускаться.

Нина поняла: до полудня ей придётся выбрать не между легендой и работой. Ей придётся узнать, что именно в этой теплице ещё можно сохранить.

Нина понесла ключ к водяному колесу, но у самой двери остановилась. Снаружи, за стеклом, туман густел над канавой. Он не плыл, как обычно, низко над водой, а цеплялся за сваи длинными влажными лентами. Каждая лента дрожала, будто в ней билось слабое дыхание.

Она вернулась к цветку.

Под стеклом пена уже собралась в узкие дорожки и медленно стекала к чашечке. Там, где серебристая влага касалась лепестков, прозрачная ткань становилась плотнее. Цветок словно пил не каплю, а весь туман, удерживая его внутри себя.

Нина достала из кармана ножницы, потом убрала их. Срезать лист она не решилась. Вместо этого поставила рядом с растением деревянную мерную дощечку, на которой с детства отмечали высоту воды, и начертила углём две черты. Одна показывала уровень канавы. Другая — край пены на стекле.

Затем она открыла маленькую заслонку в стене.

Холодный воздух сразу вошёл в секцию. Туман протиснулся внутрь, обволок грядки, лёг на листья товарной зелени. Серебристая пена дрогнула, потянулась к отверстию, и цветок раскрыл ещё один лепесток.

На соседних растениях выступили капли. Они были мутными, с тонкой белой каймой. Нина собрала их на стеклянную пластинку и поднесла к окну. Соль проступила почти сразу. Вода из канавы была насыщена ею гораздо сильнее, чем прежде.

Нина провела пальцем по краю пластинки.

— Вот что ты ешь, — сказала она цветку. — Не море. То, что море оставляет в воздухе.

Ей вспомнился старый способ ухода за морской капустой, который применяли в нижних теплицах: грядки не полива-

ли после тумана, пока листья не высохнут сами. Считалось, что растения тогда становятся крепче. Теперь этот обычай казался не привычкой, а частью утратившегося знания.

За стеклом слышались шаги.

Матвей вошёл один. В руках он держал деревянное ведро, а за ним в дверях показались ещё двое работников.

— Вода готова, — сказал он.

— Не открывай колесо.

— Уже полдень.

— Посмотри на листья.

— Я смотрю на них каждый день.

Он подошёл к грядке, снял с неё крупный лист салата и разломил пополам. Края листа были вялыми, но середина оставалась крепкой.

— Ещё час без воды, и нижний ряд ляжет.

— Он ляжет и после воды.

— Тогда чего ты ждёшь?

Нина показала ему пластинку.

— Вода стала солонее.

Матвей посмотрел на белый налёт, но не изменился в лице.

— Мы это знаем. После порта всё стало солонее. От этого зелень не перестала быть нашей работой.

— Если полить сейчас, соль уйдёт в корни.

— А если не полить, мы потеряем урожай.

Он поставил ведро на пол. Вода внутри плеснула, и цветок

немедленно сжался. Один лепесток закрылся, будто услышал угрозу.

Нина заметила это раньше Матвея.

— Вынеси ведро, — сказала она.

— Нет.

— Поставь его у двери.

— Нет.

Рабочие за его спиной молчали. Женщина с корзиной сно-ва появилась на пороге. Её звали Аграфена, и она отвечала за верхние грядки. На её руках блестели капли тумана.

— Матвей, — произнесла она, — вода в канаве поднялась ещё на ладонь.

Он обернулся.

Снаружи под настилом что-то глухо ударило. Теплица качнулась, и с потолка посыпались капли. На стекле серебристая пена зашевелилась сразу по всей длине пролёта.

Цветок раскрылся.

Не медленно, как прежде. Его чашечка развернулась в сторону моря, и изнутри вышел тонкий звон, похожий на прикосновение ногтя к краю бокала. Туман рванулся к нему через открытую заслонку. Соседние растения зашумели листьями, хотя ветра внутри не было.

Рабочие отступили.

В чашечке цветка собралась вода. Она была прозрачной, без соли. Капля перелилась через край и упала на почву.

Там, где она коснулась земли, маленький морской щавель,

давно засохший у стены, поднял два серых листка.

Аграфена первой заметила это.

— Он ожил, — сказала она.

Матвей наклонился к грядке. Щавель дрожал, вытягивая тонкий стебель из потрескавшейся земли. Нина быстро поставила под чашечку чистую миску.

— Не трогай растение, — сказала она. — Только собирай воду.

— Для чего?

— Для нижних кочек.

— У нас зелень сохнет.

— А без этих растений берег расползётся. Канаву затянет солью, и через несколько лет не будет ни зелени, ни теплиц.

Матвей выпрямился.

— Ты предлагаешь поливать болото водой из одного цветка?

— Я предлагаю перестать заливать всё подряд.

Он взглянул на ведро.

— Семьи ждут оплаты сегодня.

— Тогда срежьте только зрелые листья. Нижние грядки оставьте без полива. Откройте все заслонки, чтобы туман прошёл через теплицу. Если цветок продолжит собирать воду, мы сможем поддержать растения на кочках.

— А если не продолжит?

— Тогда мы потеряем меньше, чем потеряли бы после обычного полива.

Матвей молчал. За ним Аграфена сжала ручки корзины.
— Сколько зелени можно срезать? — спросила она.

Нина оглядела грядки.

— Треть. Только то, что уже поднялось. Остальное не трогать.

— За треть никто не заплатит как за полный заказ.

— Зато это будет товар, а не солёная трава.

Аграфена посмотрела на Матвея. Он долго не отвечал, потом взял ведро и вынес его наружу. Рабочие разошлись по секциям. Один открыл заслонку у северной стены, другая женщина подняла деревянные щиты над грядками, чтобы туман ложился ровнее.

Нина собрала первую каплю в миску. Она была холодной, с запахом моря и едва заметной горечью. Нина понесла её к окну, где за стеной темнела кочка. Там росли тонкие стебли морского щавеля, почти исчезнувшие за последние годы.

Она вылила воду на землю.

Ничего не произошло. Только туман чуть гуще лёг над кочкой.

Нина уже хотела вернуться, когда из сырой земли показалась бледная нитка корня. Она повернулась к теплице. Цветок снова начинал закрываться, но теперь на его лепестках проступали новые серебряные прожилки.

Матвей стоял у водяного колеса и держал ключ в руке. Он не запирал заслонку и не открывал воду.

— До вечера оставим так, — сказал он.

— До вечера будет видно.

— Нет, — ответил Матвей. — До вечера мы увидим, можно ли на этом работать.

Нина впервые услышала в его голосе не уступку, а расчёт. Легенда перестала быть для него чужим рассказом. Но и чудом она больше не была. В ней появился труд: открывать заслонки, собирать воду, выбирать листья, следить за солью, возвращать влагу земле.

На дальнем стекле пена сложилась в узор, похожий на разветвлённые корни. За ним серело море, и там, где недавно виднелись только голые кочки, одна за другой поднимались тонкие зелёные стрелки.

К вечеру рабочие семьи срезали ровно треть урожая. Оставшиеся грядки не полили. Впервые за много лет теплицы дышали морским туманом настежь.

К сумеркам туман не рассеялся, а поднялся над водой плотной ровной стеной. Он обтекал сваи, заполнял канавы, скользил по настилу и проходил сквозь открытые заслонки. В теплице стало так сыро, что на досках выступили капли. Рабочие убрали срезанную зелень в корзины и поставили их под навесом, подальше от стекла.

Нина не отходила от цветка. Она записывала, сколько воды собирается в миске, проверяла солёность капель и отмечала, как меняется цвет прожилок. К полуночи серебро на лепестках потускнело, зато листья возле корня потянулись в сторону северной стены, откуда тянуло морем.

— Значит, ему нужен сквозняк, — сказала Нина.

Матвей присел рядом, не касаясь земли.

— Или соль.

— Или и то и другое. Но если мы снова пустим сюда пресную воду, корень может захлебнуться.

Он провёл пальцем по краю деревянного лотка, где ещё блестела вода.

— Мы заливали грядки каждое утро. Так учили отцы и деды.

— На прежнем берегу туман приходил иначе. Теперь его прижимает к земле новый порт. Выше стали насыпи, в канаву идёт грязная вода, и соль держится в почве дольше. Мы поливали, потому что видели сухие листья. А корни, может быть, сохли не от жажды.

Матвей посмотрел на тёмную полосу земли за стеклом. В ней не было ни тропы, ни прежнего хода воды: берег изменился, хотя теплицы стояли на тех же сваях.

— Если перестроить полив, — сказал он, — на этой неделе мы не выполним весь заказ.

— Не выполним.

— Тогда семьи останутся без части денег.

— Да.

Он встал и позвал Аграфену. Она вошла, вытирая ладони о передник. За ней пришли ещё трое работников. Никто не спрашивал про чудо. Они смотрели на миску с серебряистой водой и на незнакомый цветок, а потом — на пустею-

щие корзины.

Матвей объяснил, что утром полив не включают. Вместо этого часть людей останется у заслонок, часть разберёт старые деревянные желоба и проложит их от стекла к грядкам. Воду, собранную цветком, будут выдавать по мерке самым ослабленным растениям. Остальные грядки пока оставят под туманом.

— А платить за работу чем? — спросил один из мужчин. Матвей помедлил.

— Тем, что получим за зелень. Меньше, чем рассчитывали. Но платить будем всем, не только тем, кто срезал урожай. Аграфена поставила корзину на пол.

— Тогда с завтрашнего дня я слежу за северной секцией. Не за всей сразу. У меня там щавель ещё держится.

— Я тоже останусь, — сказал молодой работник у двери. — Желоба умею собирать.

Другие не согласились так быстро. Один забрал свою корзину и ушёл, не попрощавшись. Женщина с мокрыми рукавами долго смотрела на грядки, потом попросила Нину показать, где можно оставить землю без воды. Она выращивала зелень вместе с двумя дочерьми и знала, сколько стоит каждое утро, когда товар не успевает к покупателю.

Нина провела её вдоль гряд, объясняя, какие растения смогут пережить ночь, а какие лучше срезать сейчас. Женщина слушала, но у самого выхода задержалась.

— Вы уверены, что это сработает?

— Нет, — сказала Нина. — Но я уверена, что прежнее уже перестало работать.

Утром настил был полон следов. Рабочие пришли раньше прилива. Матвей распорядился не включать водяное колесо, а сам разобрал нижний желоб. Доски разошлись, одна треснула посередине. Он держал её на весу, пока молодой работник подгонял новую.

У северной стены Нина заметила, что серебристая вода в миске стала мутной. Цветок опустил крайние лепестки. Она измерила каплю, потом посмотрела на стекло: туман оседал только на верхних листьях, а нижние оставались сухими.

— Заслонку выше, — сказала она. — Пусть воздух идёт над грядкой, не прямо в цветок.

Аграфена повернула деревянную створку. Туман переменил ход, лёг на листья морского щавеля. На них выступили круглые капли, и тонкие стебли перестали клониться к земле.

К полудню стало ясно, что цветок не спасёт весь урожай. Он собирал слишком мало воды, а его лепестки тускнели после каждого прилива. Зато там, где рабочие собрали желоба и направили влагу с внутренней стороны стекла, земля больше не покрывалась солёной коркой. Три растения, которые Нина считала потерянными, подняли новые листья.

Матвей пересчитал корзины. Их оказалось меньше, чем требовалось по заказу, но каждая была наполнена крепкой зеленью.

— Покупателю придётся объяснить, что остальное не вырастет, — сказал он.

— Объясни, — отозвалась Аграфена. — А мы вырастим то, что останется.

Из дальнего пролёта позвали Нину. На стекле, над грядкой с щавелем, появилась серебряная кайма. Она не собиралась в пену и не стекала вниз, а держалась тонкими прожилками, точно обозначая путь воздуха.

Нина приложила ладонь к раме. Стекло было холодным. За стеной, в сторону порта, туман разрывался над насыпанным берегом и уходил к морю, не достигая старых кочек. Здесь же его задерживали тепличные стекла, сваи и открытые заслонки.

— Мы не можем вернуть туман на весь берег, — сказал Матвей.

— Нет. Но можем перестать выгонять его отсюда.

Аграфена уже раскладывала доски, чтобы отделить северную секцию от товарных грядок. Теперь люди работали не над тем, чтобы спасти прежний порядок, а над тем, чтобы устроить новый: меньше зелени, больше морского щавеля, желоба вместо ежедневного полива. У каждого участка появился свой ответственный, и ни один из них не согласился больше отдавать всю теплицу под одну культуру.

Когда туман снова пополз через заслонки, серебристая кайма на стекле дрогнула. Цветок медленно раскрылся, но не весь. Нина не приняла это за обещание долгой жизни. Она

знала только, что теперь у него появились условия, которых теплица не давала ему целое столетие.

Матвей закрыл кран, ведущий к нижним грядкам, и отдал ключ Аграфене. Та спрятала его в карман передника.

За стенами теплицы поднималась новая портовая насыпь. Внутри люди впервые распределяли работу по дыханию растений, а не по прежнему расписанию полива. И когда береговой туман коснулся стекла, никто не спешил от него отгородиться.

Аграфена вернула Матвею ключ; он не успел убрать его в карман, когда снаружи ударил ветер. Заслонка захлопнулась, и серебристые прожилки на стекле сразу помутнели. Цветок согнулся; на его лепестках выступили капли, слишком крупные и тяжёлые. Нина подняла голову: туман, ещё минуту назад тянувшийся к теплице, рассеивался над портовой насыпью.

— Не трогай заслонку, — сказала она Матвею. — Если снова распахнём, поток сорвёт с цветка влагу.

Но Аграфена уже стояла у боковой двери. Сквозь щель тянуло холодом, и вместе с ним — резким запахом свежей отсыпки, мокрого камня и мазута. За дверью качнулись верхушки кочек. Портовый ветер нашёл проход между насыпью и старым берегом.

— Закроем всё — отрежем растения от моря, — сказала Аграфена.

— Оставим открытым — потеряем цветок.

Матвей посмотрел на зелень, приготовленную к отправке. В проходе ждали корзины, меньше обычного; заказчик уже дважды требовал увеличить поставку. Если теперь пустить морской воздух через весь дом, товарные грядки останутся без защиты от сырости. Если запереть секцию, цветов не выдержит.

— Мы снова делим теплицу, — сказал он. — Только теперь не между грядками. Между тем, что продаём, и тем, чего никто купить не просил.

Нина не ответила. Она присела у нижней рамы и увидела, как в щели под стеклом собирается солёная влага. Желоб, который они установили, отводил её к щавелю, но порыв ветра загонял туман сверху, прямо на цветок. Нужна была не закрытая створка, а преграда, которая задержит резкий поток и оставит ему путь вдоль стекла.

— Доски, — сказала она. — И старые маты. Поставим их снаружи у северной стены, не вплотную. Воздух будет проходить сверху, а тяжёлый ветер не станет бить в цветок.

Матвей помедлил.

— На товарные пролёты не хватит людей.

— Тогда заказ уйдёт неполным.

Он положил ключ на подоконник. Не Аграфене в руку, не Нине — просто оставил там, где каждый мог его взять.

— Я пойду к рабочим, — сказал он. — Но решать будут они. У них тоже семьи.

Он вышел через боковую дверь, прикрыв её за собой. Ни-

на слышала, как по настилу удаляются его шаги, потом глухой стук: кто-то начал снимать доски с запасного помоста.

Аграфена осталась у рамы.

— Когда твоя мать впервые попросила меня не поливать эту секцию, я отказала, — сказала она. — Мне казалось: если перестанем выращивать привычное, дом опустеет.

— А он и так пустел. Просто мы не замечали.

Старуха посмотрела на цветок. Тот не раскрылся снова. Его лепестки слиплись от влаги, но стебель держался. Нина приложила к земле пальцы: на поверхности уже появилась тонкая белёсая кайма. Не соль — осевшая пена, которую воздух принёс с моря.

Рабочие вернулись не сразу. Первой вошла Лида, с доской на плече. За ней принесли маты, верёвки, обрезки сетки и две рамы от старых рассадников. Матвей шёл последним, промокший до пояса.

— Заказ отменяют, — сказал он. — Я сообщил, что больше зелени сегодня не будет.

Никто не спросил, зачем. Лида поставила доску у двери и принялась вязать к ней мат. Другие подхватили, и вскоре вдоль северной стены выросла неровная заслона. Она не перекрывала обзор на берег и не запирала туман: только ломала порывы, направляя воздух вдоль стекла.

Нина следила за серебряными прожилками. Они дрожали, бледнели, вновь проступали у рамы. Через несколько минут пена стала собираться в желобе, а не на лепестках. Цве-

ток оставался закрытым, но стебель выпрямился.

— Значит, выдержит? — спросила Лида.

— Не знаю, — ответила Нина. — Сегодня выдержал. Этого достаточно, чтобы попробовать завтра.

Матвей поднял корзину и вынес её к двери.

— Этих хватит на семью, — сказал он. — Остальное оставим на грядках.

Тогда люди начали разбирать груз. Часть зелени отложили для продажи, часть разделили между домами. Никто не считал это спасённым урожаем. Нина впервые увидела в теплице не товарные ряды, а разные участки, за которые отвечали разные руки.

К вечеру берег снова скрылся за туманом. Он не дошёл до дальних кочек: портовая насыпь перехватывала его, пересекала, уводила в сторону. Но у старого стекла воздух задержался. На внутренней стороне появилась тонкая серебряная кайма — не пена, не цветение, а след медленного дыхания, которое теплица наконец не стала выгонять.

Матвей запер товарные грядки и оставил северную секцию открытой. Ключ он положил на общий стол, рядом с ножами для черенков и мотками верёвки.

— Завтра решим, что сеять, — сказал он.

— Завтра посмотрим, что пережило ночь, — поправила Нина.

Аграфена усмехнулась и первой вышла на настил. Под сваями вода шла на убыль. Теплица поскрипывала на ветру,

но уже не пыталась удержать прежний распорядок.

Нина задержалась у стекла. Под серебристой каймой цветков не шевелился. Она не стала накрывать его и не стала просить у него ответа. За стеной туман уходил к порту, за портом — к открытому морю, а в старом доме оставалось ровно столько его дыхания, сколько могли принять растения.

Утром им предстояло снова выбирать: что выращивать, чем делиться и какой грядке дать отдохнуть. Впервые этот выбор принадлежал не заказу и не старой примете. Его предстояло делать всем, кто жил на сваях и знал цену каждой капле, удержанной стеклом.

Глава 2. Соль на лепестках

К рассвету стекло покрылось мелкими каплями. Они дрожали на перекладинах, собирались в жилки, скатывались к нижним рамам и падали в жестяные лотки, подставленные под уклон. Нина расставила их ещё ночью, когда заметила: обычная вода оседала на стекле тяжёлыми мутными пятнами, а морской туман держался тонким блеском, будто в каждой капле пряталась крупца света.

Она пришла раньше остальных. Дощатый настил под ногами был холодным, и босые корни теплицы, уходившие в чёрную воду, отвечали на шаги негромким потрескиванием. За стёклами берег исчезал. Только камыши торчали из тумана, да где-то далеко глухо перекачивался новый порт, от которого ночами всё чаще тянуло железом и горькой копотью.

В центральной грядке растение ждало её.

За ночь его стебель вытянулся, и на верхушке обозначились пять сомкнутых лепестков. Они были почти прозрачными, с сероватой жилкой посередине. На каждом лепестке лежала капля. Не вода — Нина увидела это сразу. Капли медленно ползли против наклона, возвращаясь к сердцевине цветка.

Она поставила лотки на стол, достала тонкую стеклянную пипетку и принялась собирать туман. Капли набирались медленно. Нина дышала неглубоко, чтобы не смешать морскую влагу с тёплым воздухом оранжереи. Под пальцами стекло становилось скользким. В лотке уже собралась прозрачная полоска, пахнувшая водорослями, мокрым камнем и далёким снегом.

Дверь за её спиной открылась.

— Ты опять пришла до меня, — сказал Савелий.

Он держал под мышкой связку молодых кустов ивовой капусты. На его сапогах блестела чёрная жижa с берега.

— Сегодня мне было нужно раньше, — ответила Нина.

Савелий поставил кусты на лавку и посмотрел на растение.

— Оно стало больше.

— Оно готовится раскрыться.

— А если не надо?

Нина не сразу подняла глаза.

— Тогда зачем оно здесь проснулось?

Савелий усмехнулся, но без насмешки. Он был старше её

на семь лет и с детства умел определять состояние грядки по звуку воды в трубах. Нина различала состав почвы, считала солёность, записывала сроки цветения, а он знал, какую заслонку повернуть, когда ветер менялся над заливом. В семье их умения обычно ставили рядом, но сегодня Савелий смотрел на редкое растение так, словно оно было не цветком, а новой непредсказуемой работой.

Нина набрала туман в пипетку. На конце стекла повисла круглая капля.

— Отойди немного.

— Я не мешаю.

— Пока нет.

Она подняла руку и опрыскала растение. Туман лёг на листья тончайшей сеткой. Несколько капель задержались у основания бутона. Нина ждала, не дыша.

Сначала ничего не произошло. Затем стебель тихо выгнулся, как будто его потянули снизу. Лепестки дрогнули. Один за другим они разошлись, и оранжерея наполнилась запахом холодного моря. Не резким запахом соли, не прелой тиной — чем-то чистым и глубоким, от чего в памяти возникали камни, обкатанные водой, и дыхание человека, стоящего в тумане.

Савелий отступил.

— Вот оно, — сказал он.

Внутри цветка не было пыльников. Там вращалась маленькая воронка, собиравшая влагу из воздуха. Каждая кап-

ля скользила по лепестку к центру и исчезала, словно цветок пил не воду, а само расстояние между морем и стеклом.

Но в это же мгновение по соседней грядке пробежал белый блеск.

Нина повернулась. На листьях солёной морошки выступили кристаллы. Сначала на краях, потом вдоль жилок. Земля под кустами покрывалась тонкой коркой. На дальних грядках белели стебли приморской кислицы, морского лука и низкой травы, которую в семье называли терпушкой. Соляная плёнка расползалась по влажным дорожкам, поднималась к корням.

— Перекрой воду! — крикнула Нина.

Савелий уже бежал к главной трубе. Он сорвал крышку с короба, нащупал заслонку и повернул её обеими руками. Внутри что-то глухо ударило. Вода в тонких каналах ещё некоторое время шла по инерции, била в стенки, переливалась через края.

— Не держит! — крикнул он.

Нина схватила деревянную лопатку и стала отводить поток от грядок. Солёная вода стекала в продольную канаву, но корка уже схватилась на поверхности. Под ней почва темнела и сжималась. Один росток кислицы согнулся, будто его придавили пальцем.

Савелий вернулся, весь в брызгах.

— Это из-за него?

Нина посмотрела на цветок. Воронка внутри раскрытого

бутона вращалась быстрее. Туман над растением сгустился, собирался вокруг стеклянного колпака, которого ещё не было. Воздух в центральном отсеке стал плотным, насыщенным. Вода из общей системы шла к цветку и возвращалась в каналы уже другой: белёсой, едкой, с острым запахом моря.

— Он вытягивает соль из тумана, — сказала Нина. — И отдаёт её обратно в увлажнение.

— Тогда выключи его.

Она подошла к растению, но остановилась. Цветок раскрылся полностью. В его сердцевине дрожала новая капля, крупнее всех собранных утром. На поверхности капли проступали крошечные серебристые точки.

— Если я его сейчас закрою, мы не узнаем, что ему нужно.

— А если не закроешь, узнавать будет нечему. Посмотри на кислицу.

Нина увидела, как белая корка добралась до края центральной грядки. За ней росли молодые побеги, посаженные весной после того, как прежние заросли у берега исчезли. Их было мало. Каждая лунка занимала место, которое годами берегли от сильной воды и портового стока.

Савелий положил ладонь на трубу.

— Общую систему придётся остановить. До вечера всё здесь станет мёртвым.

— Не всю.

Нина оглядела оранжерею. Под настилом гудела вода. Вдоль стен проходили деревянные желоба, связывавшие все

грядки в одну сеть. Так выращивали растения их семья и те, кто жил на побережье: туман входил через верхние щели, оседал на стекле, стекал в лотки, а потом возвращался к корням. Система была простой, как дыхание, и такой же общей для всех.

Нина взяла нож.

— Что ты делаешь? — спросил Савелий.

— Отделяю его от остальных.

Она перерезала мягкую прокладку на соединении центрального желоба. Вода хлынула на настил. Савелий выругался и бросился зажимать поток ладонью, но Нина уже подсовывала под трубу пустой лоток.

— Дай мне вторую заслонку.

— Если разъединим, обратно не соберём.

— Значит, сегодня не соберём.

Он смотрел на неё несколько мгновений, потом молча полез под настил. Доски закрипели. Нина придерживала трубу, пока он отвинчивал крепления. Вода плескалась у её сапог, белая корка ломалась под подошвами.

Когда соединение наконец разошлось, цветок вздрогнул. Туман вокруг него сжался в прозрачный купол. Общие грядки перестали получать солёную влагу, и по каналам снова пошла чистая вода из накопительной бочки.

Но редкое растение осталось без питания.

Его лепестки начали медленно темнеть.

Лепестки потемнели не сразу. Сначала по их краям про-

шла тонкая сизая тень, потом цветок словно стал тяжелее и опустил головку к стеклянной чаше, где ещё дрожали остатки собранного тумана.

— Он не может питаться одной водой, — сказала Нина. Савелий вылез из-под настила, вытирая руки о колени.

— А чем он может питаться после того, как ты отрезала ему весь сад?

— Туманом. Но не тем, что приходит к общему желобу.

Она подняла лоток. На его дне лежала прозрачная плёнка, а по краям выступали крупинки соли. Нина поднесла их к языку и тут же поморщилась. Соль была горькой, почти лекарственной.

— Ему нужна первая вода, — сказала она. — Та, что ещё не коснулась корней и не прошла по дереву.

— Все растения получают одну и ту же воду.

— Получали.

Нина посмотрела на разошедшееся соединение. Между двумя концами желоба теперь зиял промежуток, узкий, но достаточный, чтобы вода падала вниз. Редкое растение стояло на отдельном островке, окружённое мелкой лужей. Над ним колыхался прозрачный купол тумана, однако купол таял. Стекло над цветком начало светлеть, и утреннее небо проступало сквозь него холодным пятном.

Савелий глянул на грядки. На листьях кислицы уже не блестела белая корка. Чистая вода достигала дальнего края, и молодые побеги распрямлялись.

— Если вернуть поток, мы потеряем посевы.

— Если оставить всё как есть, потеряем цветок.

— Одного цветка нам не хватит, чтобы пережить порт.

Нина слышала в его голосе не злость, а усталость. За последнюю зиму он продал три старые рамы, чтобы починить нижние опоры. Весной сам таскал торф с дальнего берега. Теперь его ладони были рассечены щепами, а на рукаве засохла белая вода. Для Савелия оранжерея была не местом, где хранили редкости. Она была работой, от которой зависели люди.

Нина поставила лоток на настил.

— Тогда будем спасать не цветок, а его способ жить.

Она сняла с верхней рамы узкую медную трубку, по которой прежде отводили лишнюю влагу в бочку. Трубка давно не использовалась, но внутри сохранился чистый налёт, без ржавчины. Нина провела её от стекла к отдельной чаше под растением.

— Это не выдержит давления, — сказал Савелий.

— Давления здесь почти нет. Нам нужна капля за каплей.

— А если туман не пойдёт?

— Пойдёт, если стекло будет холоднее воздуха.

Савелий посмотрел на неё.

— Значит, придётся открыть северную стену.

— Только верхнюю створку.

— Тогда в оранжерею войдёт ветер.

— Пусть войдёт. Он принесёт то, чего не принесёт бочка.

Савелий долго не отвечал. Потом взял шест и поддел защёлку. Верхняя створка отворилась с сухим стуком. Внутрь хлынул влажный воздух. Он был холодным, пах водорослями, глиной и далёким дымом с пристани. Листья на грядках дрогнули. Туман ворвался тонкой струёй и распластался под потолком.

Цветок поднял головку.

Нина подставила ладонь к медной трубке. Первая капля упала ей на кожу. Она была почти невесомой, но сразу оставила белый след.

— Не в чашу, — сказал Савелий. — Там уже соль.

Нина быстро взяла чистую глиняную миску и подвела её под трубку. Капли начали падать одна за другой. Савелий держал створку шестом, не давая ветру распахнуть её шире.

Из центральной грядки донёсся тихий хруст. Соляная корка лопнула, и из неё показался тонкий зелёный стебель. Нина повернула голову. Ещё один. Ещё.

— Посмотри, — сказала она.

— Я вижу.

— Они не погибли.

— Пока нет.

В этом «пока» было больше правды, чем в любом обещании. Новый порт менял воду, ветер и почву. Растения, которые прежде держались за берег, теперь исчезали одно за другим. Их нельзя было вернуть прежним уходом. Нужны были другие грядки, другие расстояния между корнями, другая

мера соли.

Цветок над миской раскрылся шире. В его сердцевине появилась тёмная полость, и из неё вышел тонкий запах — не морской и не цветочный, а похожий на запах мокрого камня после отлива.

Нина осторожно зачерпнула одну каплю пальцем и коснулась нижнего лепестка.

Сизая тень отступила.

— Он принимает её, — сказала она.

Савелий опустил шест.

— Сколько такой воды ему понадобится?

— Меньше, чем общей. Но собирать её придётся постоянно.

— Значит, один человек будет стоять у окна и ловить туман?

— Нет. Мы переделаем верхние рамы. Разведём воду по отдельным чашам. Для этого растения — первая капля, для остальных — то, что останется после неё.

— А когда тумана не будет?

Нина посмотрела на цветок. На его лепестках проступали серебристые точки, похожие на россыпь мелких зёрен.

— Тогда оно будет ждать. Но не в общей системе.

Савелий присел у разошедшегося желоба. Провёл пальцем по белому налёту, растёр его между подушечками.

— Ты понимаешь, что после этого вся теплица станет другой?

— Она уже стала другой.

— А старые правила?

— Старые правила привели нас к солёной корке.

Он поднялся. Вода под настилом толкнула сваи, и вся оранжерея качнулась. С потолка посыпались капли. Одна упала на ладонь Савелия, другая — на деревянный край миски. Третья коснулась лепестка.

Савелий подставил плечо под створку и прикрыл её ровно настолько, чтобы ветер ослаб.

— Где взять ещё медь?

— С нижнего водосброса.

— Он держит всю западную грядку.

— Теперь западной грядке нужна чистая вода. А цветку нужна своя.

Савелий усмехнулся без веселья.

— Ты уже делишь весь сад.

— Я его распределяю.

— Раньше этим занимался отец.

— Раньше берег был другим.

Он отвернулся к двери. Нина ожидала, что он выйдет один, оставив её рядом с растением и его медленным дыханием. Но Савелий взял с полки моток льняного шнура и вернулся.

— Привяжем трубку к раме, — сказал он. — До обеда сделаем ещё две.

Нина посмотрела на него.

— Для чего?

— Для тех, кто ещё не исчез. Если вода портится по дороге, надо перестать вести её одной дорогой.

Они работали молча. Савелий закреплял шнур, Нина выравнивала медную трубку, подставляла миски и отмечала на краях глиняных чаш уровень капель. В общей системе чистая вода продолжала идти к грядкам. Отдельная линия собирала туман для цветка. Между ними оставался зазор, через который уже нельзя было случайно вернуть солёную влагу.

К полудню над центральной грядкой выросли три прозрачные струйки. Они соединялись под рамой, расходились к чашам и тихо звенели при каждом порыве ветра.

Цветок больше не темнел.

Нина присела рядом с ним и увидела: на одном из нижних лепестков лежала крупинка соли, но не белая и не мутная. Она была прозрачной, как крошечный кусочек льда. Внутри неё двигалась живая точка.

За стенами оранжереи гудел порт. Под сваями поднималась вода. А в теплице, где прежде всё питалось из одного русла, появились две разные дороги.

Савелий закрыл створку и закрепил её.

— Сегодня вечером придут за рассадой, — сказал он. — Что им отдавать?

Нина посмотрела на молодые побеги, очистившие листья от корки.

— Не всё, что просят.

— А что тогда?

— То, что сможет выжить у них.

Он кивнул. Впервые за утро не споря.

На стекле снова собрались капли. Первая скользнула вниз, миновала общий лоток и свернула в медную трубку. Вторая упала на лист кислицы. Третья остановилась над цветком.

Нина подставила чашу. И пока вода набиралась, редкое растение раскрывало лепестки, будто училось дышать в новом, разделённом саду.

К вечеру ветер переменился. Он пришёл со стороны порта, тяжёлый, с привкусом железа и мокрого камня, и стал бить в западную стену оранжереи. Стёкла задребезжали в рамах. Над болотом поднялась низкая мутная мгла, но к теплицам она подошла не ровным облаком, а рваными полосами, будто её разрывали невидимые зубья.

Нина первой заметила, что капли на стекле изменились.

Они стали крупнее и темнее. На поверхности каждой выступал сероватый ободок. В лотках, куда стекала вода, быстро появлялся осадок.

— Закрывай верхние створки, — сказала она.

Савелий уже стоял на лестнице. Он потянул за деревянный рычаг, но створка не поддалась. Ветер вжал её в раму.

— Заклинило.

Нина поднялась следом. Вместе они налегли на рычаг. Де-

рево треснуло, створка дёрнулась и распахнулась на ладонь. Внутрь хлынул холодный воздух, пахнувший водорослями и угольной пылью.

На листьях западной грядки сразу проступил влажный блеск.

— Этого хватит, — сказала Нина.

— Для чего?

— Для новой корки.

Она спустилась и подбежала к распределительному желобу. Вода из общего лотка уже двигалась быстрее обычного. Ветер загонял туман в верхние рамы, тот оседал на стекле и стекал вниз, смешиваясь с чистой влагой. Раньше вся система принимала такой поток за удачу. Теперь Нина видела в нём опасность.

Она схватила деревянную заслонку и опустила её. Желоб дёрнулся, вода перелилась через край и хлынула на пол.

— Подними боковую трубу! — крикнула она.

Савелий бросился к западной стене. Там, где недавно проходила одна общая линия, теперь тянулись две тонкие трубки. Одна вела к редкому растению, другая — к грядкам. Разделение ещё не стало привычным, и на перекрёстке остался старый медный хомут.

Савелий попытался повернуть его, но пальцы соскользнули.

— Он не закрывается!

Нина опустилась в воду по щиколотку. Под настилом ше-

велилась чёрная вода, ударяя в сваи. Она нащупала край хомута и почувствовала, как металл режет кожу.

— Не крути. Держи трубу.

— Она лопнет.

— Пусть лопнет здесь.

Он прижал трубу коленом. Нина вытащила из кармана нож, поддела ржавый ободок и срезала льняную прокладку. Хомут разошёлся. Из щели ударила струя, брызги посыпались на доски, но вода перестала идти к западной грядке.

В ту же минуту на стекле над цветком собралась крупная капля. Она медленно поползла по жилке, миновала общий лоток и свернула в отдельную трубку. В чаше под ней вода была прозрачной.

Нина задержала дыхание.

Цветок дрогнул. Один лепесток поднялся, затем другой. Внутри раскрывающегося венчика темнела влажная впадина, похожая на маленькое устье. Туда стекала каждая капля, и растение принимало её не сразу: сначала удерживало на краях, будто пробовало на вкус, потом втягивало тонкой дрожью.

Савелий посмотрел на западную грядку. На листьях уже выступали белые точки.

— Придётся смывать.

— Чистой водой.

— Её мало.

— Тогда выбирай, что спасать.

Он резко повернулся к ней.

— Ты говоришь так, будто это твой сад.

— Нет. Я говорю так, будто он не может спасти всё сразу.

Савелий сжал мокрые ладони. За стеной гудел порт, и его гул проходил по воде, по сваям, по деревянным полкам с горшками. Несколько молодых стеблей качнулись в унисон, хотя ветра внутри уже не было.

— Западную грядкуотрежем, — сказал он. — Там меньше всего всходов.

— Там редкая кислица.

— Кислица выдержит.

— Уже нет.

Он помолчал, затем поднял заслонку над соседним желобом. Чистая вода пошла к западной грядке тонкой струёй. Нина взяла полотняную ткань и стала протирать листья один за другим. Соль оставалась на ткани мелкой серой пылью. Под ней зелень казалась почти синей.

Работа затянулась до темноты. Савелий перенёс чаши под отдельную линию, укрепил новую трубку на треснувшей раме, а Нина смешивала остатки чистой воды с талой влагой из подвала. Прежний порядок рушился тихо: не было ни громкого обвала, ни единого мгновения, когда можно было бы сказать, что всё изменилось. Просто одна грядка больше не получала воду из общего желоба, один стол остался пустым, а у Савелия на ладони появилась глубокая порезанная полоса.

Когда последняя корка сошла с листьев, они оба устали настолько, что перестали спорить.

Нина подняла взгляд к цветку. Он раскрылся полностью.

Венчик был бледным, почти прозрачным, но по каждому лепестку проходили тонкие серебристые жилки. На их концах мерцали капли, и в каждой капле виднелось крошечное солёное зерно. Растение не отталкивало морскую воду. Оно выбирало из неё то, что могло принять, а остальное удерживало снаружи.

Савелий подошёл ближе.

— Значит, ему нужен не туман.

— Ему нужна граница.

— Между чем и чем?

Нина провела пальцем по краю чаши.

— Между морем и почвой. Между общей водой и отдельной. Между тем, что растение берёт, и тем, что оно оставляет.

Он посмотрел на разрезанный хомут.

— А мы эту границу всё время ломали.

— Мы не знали, что она есть.

— Теперь знаешь ты.

В его голосе не было прежней насмешки. Нина услышала в нём усталость и неохотное признание, от которого стало тяжелее, чем от спора.

Снаружи у настила остановились люди. Пришли за рассадой раньше условленного срока. Их голоса пробились сквозь

стекло, вначале тихие, потом требовательные. Савелий направился к двери, но Нина остановила его.

— Не отдавай западные побеги.

— Они заплачат.

— И посадят их в землю, которая уже горчит.

— Тогда что им сказать?

Нина посмотрела на отдельную чашу. В ней собралось совсем немного воды, но цветок держался, не увядал, и его серебряные жилки становились яснее.

— Скажи, что рассада будет не сегодня.

— Они уйдут к другим.

— Пусть. Если у других она погибнет, к нам вернутся не за количеством.

Савелий долго не отвечал. Затем снял с крючка сухую куртку и вышел на настил. Его шаги удалились, потом голоса стали тише. Через некоторое время дверь закрылась.

Нина осталась одна.

Она сняла с ткани собранную соль и высыпала её в маленькую глиняную чашку. Зёрна легли на дно ровным белым кольцом. Внутри одного зерна снова шевельнулась живая точка.

Нина наклонилась ближе. Точка разделилась надвое и погасла.

За стеклом туман отступал к чёрной воде. В оранжерее пахло мокрым деревом, медью и свежей зеленью. Общая система теперь была разомкнута, и вернуть её к прежнему ви-

ду уже не удастся. Значит, и семейному делу придётся измениться вместе с ней.

Цветок закрыл один лепесток, оставив остальные раскрытыми.

Нина поняла: ему не нужно было постоянное тепло. Не нужно было много воды. Ему требовалось, чтобы каждое прикосновение моря проходило через выбор.

Она поставила рядом вторую чашу, чистую и сухую, и начала ждать следующую каплю.

Вторая капля упала в чашу уже после полудня.

Нина услышала её сквозь стук дождя по стеклу. Вода дрогнула, и на поверхности разошлись тонкие круги. Она поднесла чашу к цветку, но остановилась: на дне уцелела соль, оставленная прежней каплей. Нина вылила воду в отдельный сосуд, а чашу вымыла дождевой водой и вытерла чистой тканью.

— Значит, каждый раз заново, — сказала она.

Цветок не шелохнулся. Его раскрытые лепестки побледнели по краям. Нина проверила почву: влажная, но не мокрая. Потом осторожно смочила туманной каплей корень. Растение приняло её не сразу. Лишь через несколько минут по серебристым жилкам прошёл слабый отсвет.

На соседних грядках корка продолжала расти. Нина видела, как белые островки соединяются вдоль канавок, где прежде вода без помех расходилась по всему настилу. Тонкие побеги приподнимались над землёй, словно пытались

выбраться из-под солёной кожи. На дальнем ряду уже поникли листья морской гвоздики.

Она могла бы снова соединить трубку с общей сетью. Тогда туманная вода дошла бы до всех грядок, и, возможно, цветок не погиб бы в одиночестве. Но соль пошла бы следом, и к вечеру белая корка сомкнулась бы по всей теплице.

Нина взяла ножницы и отрезала от общей трубки последний отвод. На этот раз она не стала торопиться. Сначала закрыла клапан, выпустила остатки воды в деревянный жёлоб, промыла его пресной водой и поставила под цветок отдельную стеклянную чашу. Затем прикрепила к ней узкую трубку, чтобы капли стекали только к корням редкого растения.

Из соседнего ряда донёсся сухой щелчок.

Нина обернулась. У молодой морской гвоздики лопнул стебель. Она подхватила его ладонью, но верхушка уже отделилась. Тонкий цветок упал в белую корку и исчез между кристаллами.

Савелий вошёл, когда она убирала погибший побег. На его сапогах засохла грязь с настила.

— Пришли снова, — сказал он. — Теперь предлагают забрать всю рассадку. Говорят, портовым участкам нужны растения, которые выдержат солёную землю.

— Эти выдерживают море, не солёную землю.

— Я так и сказал. Они хотят испытать.

Нина бросила сломанный стебель в корзину.

— На ком?

Савелий опустил глаза. Он принёс с собой мешок с молодыми побегами, бережно уложенными во влажный мох. В мешке было больше, чем оставалось у них на грядках.

— Я отложил их для продажи, — сказал он. — Пока ты занималась цветком. Но теперь отнесу обратно.

— Если посадить их в чистые карманы и не подключать к общей воде, часть можно спасти.

— А остальное?

— Остальное уже не спасти. Но семена останутся.

Он поставил мешок на стол.

— Раньше мы отправляли крепкое, а слабое оставляли себе. Так было выгоднее.

— Теперь слабое может оказаться единственным, что приспособится.

Савелий помолчал, потом развязал мешок. Вместе они перебрали побеги. Часть отделили для новых грядок, устроенных в ящиках с промытым грунтом. Остальные Нина завернула в мох, чтобы высадить на берегу в небольших углублениях, куда морская вода не доходила при каждом приливе.

Работа заняла остаток дня. За стеклом темнело, дождь становился реже. Нина пересаживала два последних уцелевших ростка. Савелий укрепил ящики на настиле, подложив под них обрезки старой коры. Ни один ящик не касался солёной воды.

Когда они закончили, семейные теплицы выглядели иначе. Общие желоба больше не пересекали все грядки. Между

ними появились отдельные линии, узкие канавки для стока и пустые промежутки, оставленные не под посадку, а под дыхание земли. Редкие растения не исчезли из-за новой породы, принесённой морем. Исчезла привычка считать их запахом, который можно без конца отдавать наружу.

Савелий снял с крюка деревянную табличку с ценами на рассаду.

— Утром поставлю новую.

— Что напишешь?

— Что посадка — только с местом и чистой водой. И что мы не продаём побеги для испытаний.

Он произнёс это без вызова, словно наконец назвал цену, которую давно знал, но не решался назначить.

Нина вернулась к отдельной чаше. В ней собралось немного тумана. Она проверила воду на вкус, коснувшись капли кончиком языка. Морская горечь была слабой, почти незаметной. Она не стала добавлять её к цветку. Вместо этого оставила чашу на ночь и записала, сколько времени потребовалось для сбора.

Цветок всё ещё был раскрыт. На одном лепестке лежала соль, но корень оставался влажным, и серебристые жилки не потемнели. Нина не стала снимать кристаллы: растение удерживало их на себе, не позволяя им попасть в почву.

— Завтра соберём воду отдельно для новых грядок, — сказал Савелий от двери.

— Не воду, — ответила Нина. — Туман. И только столько,

сколько они смогут принять.

Он посмотрел на разомкнутые трубы, на новые ящики и на единственный цветок, которому теперь не угрожало общее течение.

— Значит, придётся учиться заново.

— Да.

Утром она принесла на настил чистые сосуды. Савелий уже ждал, держа в руках не мешок для продажи, а короб с семенами. Он поставил его рядом с ящиками и сам начал отмечать, какие грядки нельзя соединять.

Нина подняла первую каплю к стеклу. Та задержалась на краю, дрогнула и упала в чашу, не задев ни земли, ни корней.

За стеклом море продолжало отступать и возвращаться. Теплица больше не пропускала его дыхание куда придётся. Теперь его встречали отдельные чаши, приготовленные руки и растения, которым оставили возможность выбирать.

Глава 3. Сваи уходят глубже

Ночью прилив пришёл раньше, чем его ждали.

Вода поднялась по канавам, перелилась через моховые кочки и подступила к теплицам с северной стороны. Доски настила застонали под её тяжестью. Где-то внизу хрустнула старая опора, и стеклянные стены дрогнули так, что капли тумана посыпались с перекладин.

Нина проснулась от этого звука и сразу поняла: вода добралась до нижних свай.

Она накинула шерстяную куртку, сунула ноги в высокие

сапоги и выбежала из дома. На дворе было серо, море не отделялось от неба, а между теплицами уже текла узкая полоса солёной воды. У крайнего настила стоял дядя Матвей. Он держал багор и смотрел под ноги.

— Не подходи к западной стене, — сказал он. — Там доска держится на честном слове.

— А ты почему стоишь на ней?

— У меня слово крепче.

Он сказал это без улыбки. Нина увидела, как вода обтекает его сапоги и уходит под настил. Под теплицей что-то глухо ударило в сваи. Матвей поднял голову к стеклянной крыше.

— Надо разгрузить нижние полки. Если вода войдёт, всё, что стоит на полу, поплывёт.

— Цветок?

— Цветок выше воды.

— Пока.

Матвей посмотрел на неё внимательно. За последние дни он перестал называть растение диковиной и больше не спрашивал, кому его можно показать. Но соглашаться с Ниной во всём ещё не научился.

Они вошли в оранжерею через боковую дверь. Внутри пахло мокрой корой, солью и разогретой землёй. На полках теснились горшки с молодыми побегами. Нина переносила их выше, на деревянные решётки, а Матвей подхватывал тяжёлые кадки и ставил под стены, где настил оставался сухим.

Под стеклянным куполом цветок стоял неподвижно. Его

лепестки, вчера ещё белёсые, стали прозрачными по краям. На каждом дрожала тонкая плёнка влаги. Она не стекала вниз, как обычная роса, а медленно втягивалась в поверхность лепестка.

Нина остановилась.

— Не смотри на него, — сказал Матвей. — Смотри, что под ногами.

Пол под ними качнулся.

Снаружи раздался треск. Матвей бросил кадку и выско-чил на настил. Нина последовала за ним. Западная дорожка просела на ширину ладони. Один из крайних брусьев разо-шёлся, и в щель хлынула чёрная вода.

— Держи верёвку, — крикнул Матвей.

У стены лежали берёзовые жерди, отрезки досок и связ-ки коротких свай. Они приготовили их ещё осенью, когда вода впервые стала подходить к теплицам ближе прежнего. Теперь запас казался смешным. Прилив поднимался, и под ним всё вокруг становилось подвижным: земля, мох, глина, даже тяжёлые камни.

Матвей спустился на узкий помост, закреплённый между двумя рядами свай. Нина легла на живот и подала ему жердь.

— Левее! Там пустота!

Он нащупал дно багром. Багор ушёл глубже, чем ожида-лось.

— Сваи вымыло, — сказал Матвей. — Снизу уже нечему держать.

— Надо поставить новые.

— Новые тоже уйдут.

— Тогда длиннее.

Матвей посмотрел на неё снизу вверх.

— Вот теперь говоришь как человек, который понял море.

Он вбил первую сваю с трёх ударов. Дерево вошло в воду, потом в вязкую землю, но остановилось слишком рано. Матвей навалился плечом, прижал жердь всем телом. Свая дрогнула и провалилась ещё на ладонь.

Нина держала верёвку, пока он закреплял её вокруг бруса. Вода поднималась. В ней плавали обломки коры, щепки, прошлогодние стебли. Между сваями мелькали серебристые рыбки. Они появлялись здесь каждую весну, но теперь их стало больше, и вода под теплицей казалась не канавой, а частью моря.

Когда первая опора встала, настил перестал качаться. Матвей вытер ладонь о куртку и кивнул на вторую.

— Ещё одну. Потом третью.

— Я спущусь.

— Ты нужна наверху.

— Я ботаник, а не сторож стекла.

— Сегодня разницы нет.

Нина уже собиралась ответить, но из-под оранжереи донёсся тихий влажный звук, похожий на вздох. Она посмотрела вниз, в щель между досками. Там, под корнями теплицы, двигалось что-то белое.

— Матвей, не бей следующую сваю.

— Почему?

— Подожди.

Он остановился. Нина легла на настил и прижалась щекой к холодной доске. Между брусьями виднелась тёмная вода, а ниже, в мутном свете утра, проступали тонкие нити.

Корни цветка.

Они уходили из поднятой кадки через дренажное отверстие, пробивались сквозь щели и тянулись вниз, не к земле, а к местам, где из-под воды поднимались пузырьки. Каждый пузырёк лопался у корня, оставляя на нём блестящую солёную плёнку. Белые нити вздрагивали и медленно поворачивались, будто чувствовали движение воздуха.

Нина задержала дыхание.

— Он вышел из горшка, — сказала она.

Матвей опустил рядом.

— Корень?

— Все корни. Посмотри.

Они тянулись к каждой щели между сваями. Там, где дерево было старым и рассохшимся, корни становились гуще. Там, где вода стояла неподвижно, они не появлялись вовсе.

Нина вспомнила чаши с собранными каплями, серебряную кайму на лепестках, ночной туман, который всегда задерживался у нижних рам. Растение не пило воду из почвы. Оно искало выход морского воздуха.

— Его нельзя пересадить, — сказала она.

Матвей нахмурился.

— Пересадить можно всё, если не жалеть рук.

— Нет. Мы вырвем корни, и оно погибнет.

— Значит, укрепим вокруг.

— Сваями?

— Чем ещё?

Нина посмотрела на западную стену. Вода уже добралась до третьего ряда опор. Если они пробьют дно рядом с корнями, влажный воздух исчезнет или изменит путь. Цветок останется без того, что поддерживало его сто лет.

— Нельзя ставить опоры вслепую, — сказала она. — Надо оставить щели.

Матвей поднялся.

— Теплица не умеет стоять на щелях.

— Тогда придётся научить.

Он посмотрел на неё долго, словно впервые видел не племянницу, которая спорит из-за редких побегов, а человека, от которого теперь зависел весь настил. Потом взял другую жердь и воткнул её не в воду, а в доску, отмечая место.

— Показывай, где корни.

Нина достала нож, соскребла с края бруса мокрую соль и провела ею линию. Они начали размечать опоры вокруг невидимой сети, оставляя узкие проходы для воздуха. Работа стала медленнее и труднее. Каждая новая свая требовала измерения, каждое движение — осторожности.

К полудню вода поднялась ещё на ладонь. Западный ряд

удалось удержать, но настил просел у входа. Матвей связал две балки, Нина закрепила между ними поперечины. Теперь они не могли просто уйти из теплицы и закрыть дверь. Дом, грядки и цветок оказались соединены одной хрупкой конструкцией.

Матвей выпрямился, тяжело дыша.

— Придётся сказать Савелию, — произнёс он.

— О цветке?

— О сваях. О том, что теперь нельзя расширять нижние грядки. И о том, что часть урожая придётся убрать.

Нина провела пальцами по мокрой доске.

— Он не согласится.

— Тогда впервые придётся ему не соглашаться.

Под настилом снова прошёл влажный вздох. Корни дрогнули, нашли новую щель и потянулись к ней.

Нина посмотрела на белые нити и поняла: с этого утра цветок больше не был тайной оранжереи. Он стал причиной, по которой им придётся менять саму теплицу. А вместе с ней — порядок работы, распределение воды и право решать, какие растения имеют место под стеклом.

За стенами прилив не отступал. Сваи уходили глубже, и Нина впервые ясно почувствовала: теперь удерживать нужно было не только теплицу.

К вечеру прилив всё-таки отступил, но вода не ушла. Она осталась в чёрных углублениях между кочками, в ямах под настилами, в узких проходах, где раньше росла осока. Теп-

лица теперь стояла не над землёй, а над медленно движущейся водой. Доски высохнуть не успели и блестели, словно их покрыли лаком.

Матвей ушёл к западной стене проверить связанные балки. Нина осталась у раскрытого настила. Она не могла отвести глаз от корней.

Белые нити уже не тянулись прежней сетью. Там, где они встретили свежую щель, корешки развернулись и опустились в неё тонкими усиками. На глубине, куда проникал серый свет, корни шевелились сами по себе. Они не искали опоры. Они ловили движение воздуха.

Нина легла на живот и приложила ладонь к доске. Под ней проходила слабая дрожь.

— Ты там? — спросил Матвей.

— Здесь.

— Тогда не лежи близко к краю.

— Край уже везде.

Он подошёл и поставил рядом с ней деревянный клин.

— Надо закрыть настил до темноты.

— Если закроем, воздух перестанет подниматься.

— А если оставим, провалится пол.

Нина поднялась. На её ладони осталась соль.

— Снять нужно не весь настил, а отдельные доски. Сделать дыхательные окна.

Матвей усмехнулся без веселья.

— У теплицы были окна в стенах. Теперь ты хочешь

устроить окна в полу.

— Растение само показало, где они должны быть.

— Растение не знает, что зимой вода замерзает.

— Зато оно знает, без чего не проживёт.

Матвей посмотрел вниз, на белые корни, и долго молчал. Потом взял топор, но не поднял его.

— Позовём Савелия.

Савелий пришёл с северной грядки, где вместе с работниками перебирал ящики. На сапогах у него висели комья тёмного мха. Он остановился у пролома и сначала взглянул на воду, потом на Матвея.

— Сколько потеряли?

— Пока ничего, — ответил Матвей.

— Пока ничего — это не ответ.

Нина встала между ними.

— Нижний ряд придётся разобрать. Не на день. Насовсем.

— Нижний ряд кормит теплицу, — сказал Савелий.

— И губит цветок.

— Один цветок не прокормит семью.

— А если он показывает, почему погибают остальные?

Савелий нахмурился. За стеклом серый туман сгущался над канавами. Он протекал под теплицу, касался свай и медленно поднимался сквозь щели. На каждую доску оседали мелкие капли.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

— Убрать три грядки у западной стены. Оставить под ни-

ми открытое пространство. Снять часть земли до песка и закрепить края, чтобы вода не размывала опоры. Тогда влажный воздух будет проходить вверх, а корни не придётся трогать.

— Три грядки — это половина ранней зелени.

— Да.

— И кто будет объяснять покупателям, почему мы отдаём место пустоте?

Нина посмотрела на него.

— Никто. Мы объясним, почему наши растения ещё живы.

Савелий резко повернулся к стеклу. Снаружи показался широкий силуэт баржи, медленно двигавшейся за полосой камыша. От её тяжёлого хода вода в канаве вздрогнула и пошла обратной волной. Под теплицей застонали балки.

Одна из западных свай качнулась.

Матвей бросился к подпорке, но доска ушла вниз. Он успел схватиться за поперечину. Савелий рванул его за плечо. Вместе они вытащили Матвея на настил, а под ногами раскрылась длинная чёрная щель.

Из неё поднялся туман.

Он не растекался по полу, как прежде. Струя шла прямо к цветку, обвивала его стебель, и бледный венчик медленно раскрылся. На лепестках вспыхнули соляные точки. Цветок впервые показал сердцевину: там, где Нина ждала пыльцу, лежала прозрачная влага, собранная из морского воздуха.

Савелий замер.

— Он цветёт оттуда, — сказал Матвей.

Нина кивнула.

— Под землёй есть старый ход воды. Теплица стоит над ним.

— А порт? — спросил Савелий.

Нина посмотрела на баржу. Её движение взбаламутило канаву, но вместе с мутью в щель поднялся свежий влажный воздух.

— Порт меняет прилив. Он не забрал туман целиком. Он прижал его к земле.

Савелий опустил на корточки и коснулся доски. Вода выступила между пальцами.

— Значит, если мы закроем всё плотнее, растения будут исчезать быстрее.

— Да.

Он долго смотрел на три грядки, где уже наливались стебли раннего шавеля и солёной капусты. Потом встал.

— Убираем западный ряд.

Матвей повернулся к нему.

— Сразу?

— Пока вода не решила за нас.

— Заказ уйдёт.

— Пусть уйдёт.

Это было сказано тихо, но в теплице стало непривычно пусто, словно вместе с решением освободилось место для но-

вого воздуха. Савелий позвал работников. Они начали переносить ящики, осторожно вынимая растения с комьями земли. Нина заметила, что некоторые корни уже потемнели. У них не было времени ждать.

Матвей снял первую доску. Под ней открылась влажная глубина. Вторая доска поддалась тяжелее, третья была приросшей к старой балке. Он работал медленно, проверяя каждое крепление. Нина направляла его, отмечая места, где корни подходили ближе всего.

К полуночи западный ряд исчез. Вместо него осталась деревянная решётка, под которой двигалась вода. От неё поднимался холод, но воздух в теплице стал легче. Туман больше не задерживался у стен. Он входил снизу, проходил между корнями и уходил к стеклу.

Цветок стоял неподвижно. Его стебель был тонким, почти хрупким, но корни под решёткой расправлялись, как пальцы человека, проснувшегося после долгой боли.

Савелий принёс Нине пустой ящик.

— Для чего он?

— Для чего-нибудь, что можно сохранить.

— Тогда положи туда семена из нижнего ряда. Все, какие найдёшь.

Она посмотрела на него.

— Даже те, что раньше не брали в работу?

— Особенно их.

Матвей, сидевший у новой опоры, поднял голову.

— А если не взойдут?

Савелий провёл рукой по мокрому брусу.

— Значит, будем ждать дольше.

Нина собрала семена, смешанные с песком и солью. Руки у неё дрожали от усталости, но внутри впервые за весь день стало спокойно. Теплица больше не пыталась удержать прежнюю форму. Она уступила воде часть пола, оставив себе возможность стоять.

За стеклом баржа прошла дальше. Волна ударила в сваи, но они выдержали. Воздух поднялся из глубины и коснулся цветка.

Нина закрыла ящик и поняла: теперь они сохраняли растение не в прежнем месте. Они сохраняли путь, которым море входило к нему.

К полудню вода отступила, но настил не перестал покачиваться. Под ногами ходила глухая зыбь: то приподнимала доски, то отпускала их, и каждая щель отзывалась влажным щелчком.

Матвей уложил на плечо новый брус и двинулся вдоль теплицы. Нина шла следом, придерживая связку коротких клиньев. Они уже заменили две подпорки, укрепили северный край и теперь добрались до места, где старая опора просела особенно сильно.

— Не наступай на край, — сказал Матвей. — Там земля ушла.

Он протянул брус к балке. Нина поставила клин, но тот

сразу выскользнул из мокрой щели и упал вниз. Удар о воду донёлся не сразу. Сначала они слышали, как дерево скользит вдоль чего-то твёрдого, потом раздался короткий глухой стук.

Матвей замер.

— Глубже, чем вчера.

— Или вода вымыла под ним карман.

— Карман не отзывается так.

Он снял с пояса верёвку, обвязал вокруг запястья и опустился на колено. Нина придержала его за ремень, пока он наклонялся к проёму между досками. Внизу вода была чёрной от торфа. Матвей нащупал брусом дно, но не достал.

— Там старая опора? — спросила Нина.

— Там ещё одна свая. Не наша. Сама не знаю, чья. Ушла под теплицу до меня.

Он провёл пальцами по мокрому краю доски, будто пытался вспомнить не словами, а на ощупь. Потом кивнул Нине:

— Сними две верхние. Только не тяни резко.

Доски поддались с хрустом. Между ними открылась узкая щель, из которой тянуло морем. Не холодом воды, а тёплым, сырым дыханием, пахнувшим солью, водорослями и чем-то горьким, как раздавленный стебель.

Нина посмотрела в глубину.

Белёсые нити обвивали нижнюю часть старой сваи. Они уходили от корневого кома цветка, проходили сквозь щели

между камнями и терялись в темноте. На одной нити дрожала капля. Она не падала: держалась, будто корень удерживал её одним тонким волоском.

— Вот почему нельзя было пересадить, — прошептала Нина.

Матвей выпрямился не сразу. Его лицо стало неподвижным.

— Ты ведь пробовала?

— Когда цветок только появился. Корни были короткие. Я думала, они держатся за торф.

Она наклонилась ниже. Под настилом нити шевелились, хотя воды почти не было. От их движения туман собирался у самой щели и поднимался в теплицу тонкими струйками. Цветок наверху ответил едва заметным раскрытием лепестков.

Матвей положил ладонь на брус.

— Значит, укреплять нужно вокруг.

— Если забить сваю прямо здесь, мы перережем корни.

— А если не укрепить, вода унесёт весь край.

Нина взглянула на настил. Между балками уже виднелась слабая дуга. Следующий сильный прилив мог вывернуть её вместе с грядкой.

— Поставим опоры снаружи, — сказала она. — К самой теплице не прижмём. Оставим просвет для воздуха.

Матвей хмыкнул.

— Просвет для воздуха. Хорошо звучит. А как ты его

удержишь?

— Не удержу. Только не загорожу.

Он посмотрел на неё, потом на чёрную воду.

— Это не одно и то же.

— Для корней — похоже.

Они принесли два бруса с дальнего края, где стояли пустые ящики. Матвей упёр их под углом в несущую балку, а Нина закрепила верхние концы железными скобами. Древесина скрипела, мокрые верёвки резали ладони. Когда первый брус встал, настил перестал ходить под ногами. Второй пришлось поставить дальше, за пределом видимых корней.

Нина следила за щелью. Воздух из неё стал подниматься ровнее. Белые нити чуть натянулись, но не оборвались.

Работа заняла весь день. К вечеру Матвей опустился на ступеньку, тяжело дыша. На его рукаве темнело пятно крови: железная скоба распоролa кожу.

Нина принесла чистую тряпицу и обмотала ему руку.

— Дай мне завтра самой проверить дальнюю сторону.

— Завтра там будет вода.

— Тогда до прилива.

— Ты не спускалась под теплицу одна.

— Сегодня спустилась бы, если бы могла.

Матвей улыбнулся уголком рта, но тут же поморщился от боли.

— Плохо, когда человек становится смелым после того, как ему запретили.

— Я не стала смелой. Я просто поняла, что цветок не вынести, а дом без него не удержать.

Матвей посмотрел на грядки. Западный ряд пустовал; на его месте темнела решётка, под которой снова набиралась вода. Остальные растения стояли теснее, чем прежде. Одни уже потеряли листья, другие тянулись к открытым щелям у пола.

— Завтра снимем ещё одну секцию, — сказал он. — У северной стены. Там доски всё равно сгнили.

— Савелий согласится?

— Не знаю. Но теперь это не вопрос согласия. Если оставить как было, теплица решит за нас.

Они помолчали. Вдали гудел порт, и звук проходил над водой тяжёлой ровной полосой. Нина заметила, что туман не ушёл к нему, как прежде. Он задерживался между сваями, поднимался по новым просветам и оседал на стекле.

На цветке раскрылись два лепестка. Их края были прозрачными, словно морская вода истончила их до самой прожилки.

Нина не почувствовала торжества. Напротив, теперь стало яснее, сколько места занимала эта жизнь и как мало из него принадлежало людям. Чтобы цветок продолжал дышать, им придётся переделать теплицу, пожертвовать сухим настилом и отказаться от привычки закрывать каждую щель.

Матвей поднялся и проверил новую подпорку.

— Держится.

— Пока.

— Пока и строят.

Он сказал это без утешения, как говорят о доске, которая выдержит вес, если не потребовать от неё невозможного.

Нина коснулась ладонью стекла. Внутри теплицы пахло влажной солью. Под полом корни продолжали тянуться к морю, не выбирая земли, в которой их можно было бы оставить навсегда. А снаружи, под настилом, вода терпеливо искала следующую слабую опору.

К полудню вода отступила, но настил не высох. Между досками проступали тёмные полосы, и по ним можно было понять, где под теплицей ещё держится прилив. Матвей велел Нине не наступать на крайние секции. Сам он пошёл вдоль северной стены, проверяя подпорки коротким ломом.

— Здесь больше не укрепить, — сказал он, остановившись у пустого ряда. — Сваи сгнили до сердцевины.

Нина посмотрела вниз. Через щель между досками поднимался морской воздух. Он был тёплым и густым, словно туман задержался под теплицей на всю ночь. Белые корни цветка вытянулись к нему из раскрытого пола. Они обвивали старые гвозди, уходили в темноту, и ни один не касался земли.

— Если поставим новые сваи там же, прижмём корни, — сказала она.

Матвей опустил лом.

— А если не поставим, уйдёт весь северный угол.

Из дома донёсся голос Савелия. Он звал их к столу, но Нина не ответила. Она видела, как вода шевельнулась под настилом, и вместе с ней дрогнула одна из корневых нитей. Та тянулась вдоль балки к соседнему пролёту, где пол оставался целым.

— Мы всё время пытаемся удержать теплицу на старом месте, — сказала Нина. — А ей уже некуда держаться.

Матвей хмыкнул.

— Теплица не ходит.

— Зато вода ходит. И корни тоже.

Он посмотрел на цветок. На его стебле качнулся новый бутон, ещё тугой и зелёный. Нина поняла: если закрыть щель и поднять пол, растение лишится того воздуха, ради которого проросло. Если оставить всё как есть, вода заберёт грядку и потянет за собой стену.

За последние недели они привыкли считать пустую землю потерей. Теперь пустой ряд был единственным местом, которое можно было отдать морю, не отнимая у цветка его дыхание.

— Снимем северную секцию целиком, — сказала она. — Не укреплять. Убрать.

— Тогда прохода не будет.

— Сделаем другой с востока. По сухому пролёту.

— А ящики?

Нина посмотрела на тесные ряды. В них стояли солеустойчивые растения, которые семья выращивала на прода-

жу. Некоторые уже ослабли от тесноты; другие переживали переезд хуже, чем холод. Они не могли сохранить всё, но впервые ей не хотелось делать вид, будто могли.

— Оставим только те, что выдержат перенос. Остальные раздадим соседям, пока они ещё живы.

Матвей молчал. Потом вытер ладонь о фартук и кивнул.

Савелий пришёл с верёвкой и увидел, что они уже отметили границу будущего проёма.

— Вы собрались разобрать стену?

— Только нижнюю секцию, — ответила Нина.

— Там стоят две хорошие кадки.

— Их можно перенести.

— А если не примутся?

— Тогда мы не будем делать вид, что они примутся.

Савелий сжал верёвку. Он привык рассчитывать посадки по числу заказов и свободных ящичков. Уменьшить теплицу для него значило потерять работу, которую нельзя вернуть следующей весной. Но он перевёл взгляд на цветок и заметил корни под полом.

— Значит, новый ряд не сажаем, — сказал он. — И освободим западную сторону.

Это было не согласие на время. Он сам назвал то, что придётся оставить.

Работали до темноты. Они вынесли кадки, сняли нижние рамы, затем по одной подняли доски, стараясь не задеть белые нити. Матвей перерезал сгнившую подпорку и удер-

жал край настила плечом, пока Нина освобождала последнюю скобу. Когда секция подалась, теплица вздохнула: воздух прошёл снизу вверх, прошуршал по листьям и запотел на стекле.

Цветок наклонился к открытому проёму.

Нина замерла. Ей показалось, что сейчас он вырвет из пола собственные корни. Но нити лишь расправились, одна за другой, и легли вдоль балки, будто нашли более широкий путь. Бутон раскрылся. В его чаше не было пыльцы: там собрались мелкие капли тумана, прозрачные и солёные.

Савелий поставил на край настила две широкие доски, оставив между ними промежуток.

— Проход будет здесь. Кадки перенесём к восточной стене. Только не все сразу.

Матвей посмотрел на него с удивлением.

— Сам решил?

— Сам. Заказы подождут. Если некому будет выращивать, заказывать станет нечего.

Нина хотела ответить, но слова застряли в горле. Она присела у открытого проёма и подставила под корни чистую чашу. Туда упала первая капля. За ней вторая. Не с крыши, а снизу, из поднимавшегося воздуха.

— Значит, вода тоже войдёт в работу, — сказал Матвей.

— Не вода, — поправила Нина. — Её дыхание.

Он пожал плечами, принимая разницу как принимает мастерство, которое нельзя измерить линейкой, но можно про-

верить ладонью.

Наутро они не стали закрывать проём. Савелий перенёс первые кадки к восточной стене и оставил северный проход свободным. Матвей проверил оставшиеся сваи, заменил две и пометил третью, чтобы вернуться к ней перед следующим приливом. Нина записала, какие растения выдержали перемену, а какие нуждались в отдельном месте. Записи были короткими: влажность, соль, движение воздуха, срок цветения. Ни одного старого правила она не перенесла туда без проверки.

За неделю теплица изменилась сильнее, чем за все предыдущие годы. В ней стало меньше грядок и больше промежутков. Кадки не стояли ровными рядами; между ними оставили путь для тумана. Семена редких растений разложили по маленьким лоткам и передали тем, кто жил вдоль берега. Не для продажи — чтобы у каждого было несколько ростков и ни один дом не зависел от единственного цветка.

Когда снова пришёл прилив, вода вошла под теплицу свободно. Она не подмывала стену: пустая секция пропускала течение, а новые подпорки принимали на себя меньшую тяжесть. Настил качнулся, но удержался.

Нина стояла у открытого проёма. Влажный воздух поднялся вдоль корней, не торопясь и не спрашивая разрешения. Цветок раскрыл ещё два лепестка.

— Теперь он не один, — сказал Савелий.

Нина посмотрела на лотки у восточной стены. В одном

уже пробился тонкий зелёный росток.

— Нет, — ответила она. — Теперь у него есть место, куда тянуться.

Море поднялось до балок и задержалось под теплицей. Над ним стекло медленно запотевало. Никто не принял это за знак и не стал искать в нём обещаний. Они проверили подпорки, перелили воду в чаши и оставили северный проход открытым.

К вечеру туман осел на стекле ровными каплями. Под настилом белые корни продолжали расти туда, где начинался морской воздух, а над настилом люди учились не ставить ему преград.

Глава 4. Горькая вода

Нина начала работу до рассвета, когда вода под теплицей была неподвижной и чёрной, а на стекле ещё держался вчерашний туман. Она принесла из дома четыре глиняные чаши, весы, стеклянную колбу и мешочек соли, высушенной на железной плите. Соль была серой, крупной, с горьким привкусом, который оставался на языке дольше морского.

Матвей стоял у двери и смотрел, как она раскладывает всё на столе.

— Ты решила накормить его морем?

— Я решила понять, что именно оно ему даёт.

— Он не ест воду.

— Тогда почему листья впитывают её?

— Потому что это листья.

Нина не ответила. Она взяла первую чашу и налила в неё воду из канавы. Вторая получила меньше соли, третья — больше, четвёртая осталась с чистой водой. Она записала составы на деревянных дощечках, вдавливая буквы кончиком ножа. Чернила здесь быстро расплывались, бумага сырела, а дерево сохраняло то, что ему доверяли.

Растение стояло в дальней части оранжереи, где настил был выше и стекло оставалось прохладным даже в полдень. За ночь на его листьях собрались капли. Они не скатывались вниз, как на других растениях, а держались у самых жилок, будто корни листа поднимались наружу и пили через кожу.

Нина осторожно сняла одну каплю тонкой палочкой и перенесла в первую чашу.

— Слишком мало, — сказала она.

— Для кого?

— Для тумана.

Она разбавила воду, приготовила второй состав и нанесла его на нижний лист. Затем третий — на лист, обращённый к северной стене. Четвёртым смочила край молодого побега.

Матвей не двигался.

— Ты даже не знаешь, что измеряешь.

— Знаю. Соль. Кислотность. Плотность.

— Ты измеряешь то, что помещается в чашу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.